

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Издание настоящей книги сопровождалось обстоятельствами весьма необычными. Рукопись поступила к нам от некоей женщины, пожелавшей сохранить анонимность. К тому времени она, по настоянию автора, хранила ее уже три года. Ни ей, ни нам неизвестно, где на сегодняшний день находится владелец авторских прав. Сопровождающий рукопись юридический документ предписывает передать все отчисления от возможного тиража тому, кто принес ее в издательский дом.

Мы расцениваем рукопись как роман. Никого из второстепенных действующих лиц идентифицировать не удалось, имя рассказчика также вымышлено. Тем не менее текст переплетен с действительностью так тесно, что любопытный читатель без труда сможет прочувствовать переживания настоящего норвежца из плоти и крови. Многое, впрочем, указывает на то, что книга — во всяком случае, некоторые ее

части — повествует о событиях, произошедших в реальности. Мы не рискуем однозначно утверждать, что в книге правда, а что — вымысел, однако не можем не заметить, что описанные обстоятельства представляют значительный интерес для широкой публики, особенно в свете горячо обсуждаемого на международной литературной арене вопроса авторства.

Как вы узнаете в процессе чтения, текст был написан от руки, что современному читателю в диковинку. Поначалу мы было поддались искушению издать рукопись факсимиле. Не станем скрывать: красивее этого почерка в нашем издательстве еще не видели.

I

Я видела другую «А». Я видела знак, который не мог быть предназначен для человеческих глаз.

Большинство пар охотно делится историей своего знакомства. Они шлифуют свой рассказ, неустанно наводят лоск. Мне повезло: нам довелось пережить первую встречу не раз, я встречала своего возлюбленного поэтапно. Для начала я всего лишь узнала о том, что он существует.

Я была зажата в переполненном трамвае. Снаружи темно. Декабрь. Меня клонило ко сну после утомительного десятичасового рабочего дня и общения с еще более утомительным заказчиком. Тем не менее я, должно быть, искала. Я — та женщина, что всегда в поиске. Прислонившись к спинке сиденья, я заметила руку, которая обхватила перекладину. Рука принадлежала мужчине, чей силуэт заслоняли другие пассажиры. Она парила в воздухе перед моими глазами. На одном из пальцев поблескивал золотой перстень-печатка. Выгравированная на крошечной пластине буква «А». Я повидала

множество «А»; могу похвастаться, что знаю куда больше видов «А», чем большинство людей, и могу написать «А» так, как это сделали бы Клод Гарамон, Джон Баскервиль или Адриан Фрутигер*. Но «А», подобную той, что красовалась на кольце, мне видеть не доводилось. Даже сегодня я не знаю, что это была за «А». Мне захотелось привлечь внимание владельца перстня, но я только стояла, застигнутая врасплох, не в силах отвести взгляда от золотой «А». Ничего не происходило. Рука исчезла. А я осталась, но с отпечатком, будто податливый красный сургуч.

Первая встреча.

Золотая буква. Помню тот день, когда я осознала, что между письмом и золотом есть связь. Мне было семь лет, и я впервые оказалась в Мемфисе, где дедушка «делал золото», как я тогда говорила. Камень лежал перед нами, как тяжелый лист бумаги на грубо сколоченной школьной парте — то есть на одном из ящиков на колесах, в которых дедушка перевозил памятники по мастерской. На поверхности черного гладко отполированного гранита было видно дедушкино лицо — белая борода и кустистые брови отражались в камне, как будто в бездонной тьме спрятался его брат-близнец. На камне были выгравированы две строчки. На нижней — звезда

* Клод Гарамон (1490–1561), Джон Баскервиль (1706–1775), Адриан Фрутигер (1928–2015) — типографы, создатели одноименных шрифтов (здесь и далее — прим. переводчика).

и дата, на верхней — дата и крест. Я только что научилась читать и по слогам осилила имя на заглавной строке.

— Аб-ра-хам Алм-аас. Ты его знаешь?

— Знаю только, что он был директором какой-то школы, — отозвался дедушка. — Его вдова попросила не писать профессию, решив, что имени в 22 карата вполне достаточно.

Просторная синяя рубаха до пят делала дедушку похожим на волшебника в мантии.

— Как *много* а-шек, — сказала я почти что с завистью и очертила пальцем надпись, вода по заранее нанесенной на камень грунтовке.

— Гляди в оба, сейчас будем превращать камень в золото.

Дед посмотрел на меня с улыбкой, весь сплошные морщинки и не слишком ровные зубы.

А затем произнес фразу, которая навсегда врезалась в память:

— По-настоящему ценно в жизни только одно. Попытка совершить невозможное.

Дедушка принес самую интересную вещь во всей мастерской: ящик для сигар. Легкая деревянная поверхность, обклеенная живописными этикетками, — сам по себе он был произведением искусства. Из ящика он извлек небольшую белую коробку, а из нее — одну из своих маленьких книжечек, где, проложенные тонкой калькой, лежали листы сусального золота.

«Надежно, как в гробнице Тутанхамона», — говорил дедушка.

Я вытянулась на цыпочках от любопытства, когда он накладывал золото слоями на буквы и цифры. Золотые листочки были такими тонкими, что их уголки свешивались с кончиков дедушкиных пальцев. Я стояла со специальной щеточкой наготове, точно ассистент, готовый сию секунду подать хирургу скальпель. Ею дед втирал золото, которое тут же превращалось в пыль, в надпись, одновременно аккуратно собирая все частички вокруг. Для меня, семилетней девочки, это была магия. Камень превращался в золото.

Через какое-то время можно было закатывать ящик с камнем в комнату для мытья. По дороге в воздух взмывали золотые пылинки, поблескивая в оконном свете. Я шествовала среди золотых искр и представляла, что иду под дождем из золота — подарком случайно залетевшей в мастерскую доброй феи.

Дед ополоснул водой черную поверхность камня, удаляя излишки грунта и золота вокруг букв. Последние остатки он счистил пемзой. Под конец я получила разрешение вытереть гранит настоящей морской губкой. Я бы не терла с большей аккуратностью или благоговением, даже если бы мне доверили уход за «Кадиллаком» дяди Исаака. Дедушка отступил на шаг назад и окинул взглядом работу.

— Возможно, у нас в роду есть алхимики, — сказал он после долгого молчания.

Он нередко надолго замолкал, чтобы подумать.

Я раньше не слышала слова «алхимист». Звучало похоже на «оптимист».

— Алхимисты, или алхимики, пытались превратить что-то не слишком благородное или не слишком ценное во что-то поблагороднее и поценнее, — когда дедушка начинал говорить так увлеченно, его белая борода казалась наэлектризованной. — И гляди-ка, мы превратили обычное имя в золотое. Разве мы с тобой, подобно алхимистам, не доказали, что во всех людях есть нечто благородное, нечто вечное?

Я ничего не поняла из его слов. Но, может быть, почувствовала, когда оглядывала результат наших трудов: одно дело — высеченный в камне «Абрахам Алмаас» и совсем другое — «Абрахам Алмаас» в золоте. Мне казалось, что буквы светились, нет, *горели*, особенно шесть «А». Вглядываться в каменные борозды было все равно что смотреть на настоящее золото; камень был не более чем тонкой черной пленкой, скрывавшей то, что дедушка называл «металлом богов». Я представила, что, если бы директор увидел свое надгробие, он остался бы горд и поставил бы дедушке самую высокую оценку.

Когда я выходила из мастерской, на мне частенько лежал слой золотой пыли. И на лице тоже. Я никогда не пыталась ее стереть.

Давайте поясню раз и навсегда: я питаю к знакам и буквам особые чувства. Кольцо из трамвая, золотая

гравировка «А» не давали мне покоя. Голова кружилась. Дома я замерла перед зеркалом, неуверенно ища отпечаток, отметину на лбу. Я нашла лист бумаги и попыталась нарисовать «А» по памяти. Не справилась. У меня всегда получается воспроизводить буквы, которые я встречаю. А сейчас — не вышло. Я забавлялась мыслью, что мужчину могли звать Анджело. Что он был ангелом. Или искусителем. Не знаю.

Вечером я включила компьютер, да только сидела без дела, уткнувшись взглядом в монитор. Как будто ждала сообщения. Ждала, что буквы на экране появляться сами собой. Была потрясена, сама не знаю почему.

Долгое время считалось, что древний город Акуза обратился в руины после мощного землетрясения. Однако недавно ученые обнаружили старинную рукопись, в которой излагается другая версия: после изгнания из Акузы философ Артисонос отправился к Эвреке через горы. На одном плоском утесе он разыскал место, где мелом начертил большую А. Он встал у ее ног, воткнул свой посох в острие А и поднял Землю. Через несколько секунд посох сломался, и Земля с грохотом рухнула обратно.

Знаки притягивали меня всегда. Не так уж это и странно, коль скоро я выросла в Фивах, нередко бродила

по Долине Царей* и карабкалась по холмам вокруг Дейр-эль-Бахри. На протяжении всей жизни я искала следы. В детстве меня за уши было не оттащить от обоев с непостижимыми узорами. Я могла заворуженно замереть над отпечатком птичьей лапы на мокром песке, над этими загадочными линиями, особенно если несколько птиц прошли по следам друг друга. Когда я впервые увидела клинопись ассирийцев, меня переполнила радость узнавания. Это были тайные буквы птиц, не иначе.

Когда учительница хотела поругать кого-то из моих одноклассников за почерк, она говорила, что те пишут «как курица лапой». Никогда не понимала, почему эта характеристика казалась ей негативной.

Когда мама брала меня с собой в магазин покупать новую обувь, подошвы интересовали меня не в пример больше ботинок. Каким получится след? Став взрослой, я иной раз замечала следы, рисунки на свежем снегу, наполнявшие меня предвкушением. Вот только при встрече с владельцем ботинок лицом к лицу я неизменно испытываю разочарование.

Отчего я такая? Не знаю. Правда, не знаю.

Однажды летом дедушка красил пол на веранде, а заодно и уличную лестницу. Дверь в гостиную стояла открытой. Кот Рамзес прокрался внутрь с веранды.

* Долина Царей — археологический комплекс заупокойных храмов и гробниц фараонов. Является частью Фиванского некрополя.

Красные пятнышки краски на полу, восхитительный узор лап уводил в кухню. Я пошла по следу и дошла до плиты, где остывал целый поднос сдобных булочек. С тех пор мне всегда казалось, что таким письмом и должно быть: красной нитью, ведущей тебя к чему-то хорошему.

К его комнате.

И тем не менее — когда это случилось, я не могла поверить в реальность того, что видела перед собой. Я искала сравнения. Мне вспомнился день, когда я долго сидела и всматривалась в узоры света и тени мягких песчаных дюн к западу от Каира... Или когда я рисовала акварели известняковых гор Гуйлинь, сидя в лодке на реке Гуйцзян, — караван сказочных животных, исчезающих друг за другом в утренней дымке. Или то ослепляющее впечатление от встречи с бесконечными снежными просторами Антарктики. Но ничто не могло сравниться с ним — с тем, кто в белесом свете стилого зимнего дня спал на матрасе под незанавешенным окном в городе Осло; намек на спинные позвонки в ямке между лопатками, линия от бедра до лодыжек. Золотистый отсвет кожи. Я многое повидала в мире, но к этому не была готова.

II

Кем он был? Второе, что я узнала о нем, было тоже о руках и пальцах. О прикосновениях.

Суббота. Канун Рождества. Снега намело необычайно много. Все казалось незнакомым, новым, светлым. Большинство улиц еще не успели расчистить, и Осло излучал атмосферу зимы, чрезмерную белизну, какую редко застанешь в столице. Все устремились за подарками. Из-за непроходимых улиц и наледи центру города грозил опасный хаос.

Пишу «хаос» и вижу, что слово передает состояние разлома, разлёта во все стороны. Не вижу смысла извиняться. Оно честно отражает мое состояние. Тем не менее есть здесь и некий парадокс: мне — писателю, которого и критики, и читатели некогда хвалили сверх всякой меры, — не удастся придать истории ту форму, ту убедительность, коей она заслуживает. Несколько месяцев назад я бы справилась. Все, что я писала тогда, гарантированно читали; никто глаз не мог оторвать от текста. Никто. Я — мастер, который необъяснимым

образом лишился своих способностей. В самое неподходящее время.

Мне было необходимо посетить монастырь. Я зову его монастырем. *Ora et labora**. Именно такое наставление мне сейчас требуется. Молись и трудись. Я испытываю почти болезненную потребность резюмировать и подытоживать. Как и потребность убедиться в том, что я еще в своем уме. Сижу в дорожной одежде. Для кругосветного путешествия. Чемодан стоит наготове в углу. Я пакую его каждое утро, чтобы сорваться в любой момент. Чемодан наполовину пуст. У меня нет ничего, что имело бы значение. Только история, которую я сейчас пишу. Пытаюсь писать. Припоминаю рассказ о китайском мудреце, который по пути на Запад оказался на приграничном посту. Прежде чем получить дозволение пересечь границу, ему надлежало записать свои мысли. Чувствую себя почти как он.

Сегодня ночью мне тоже не спалось, но последний приступ головокружения миновал два дня назад. Руки больше не дрожат. Звук соприкосновения перьевой ручки с бумагой успокаивает нервы. Я буду рассказывать, *свидетельствовать*, о страннейшем годе моей жизни, и шестое чувство подсказывает, что следует поторопиться. Не столько потому, что я нетерпелива,

* *Ora et labora* (лат. молись и трудись) — девиз святого Бенедикта Нурсийского, который в 529 году основал монашеский орден бенедиктинцев.

но потому, что я боюсь. Может, стоило бы сначала помолиться. Я видела отблеск другой любви. Я видела новую «А».

В ту предрождественскую субботу, когда я поздним вечером шла домой от автобусной остановки, по-прежнему поросил легкий снег. Внезапно все стихло; темные улицы обезлюдели. Помню, что испытывала усталость. В то время я часто уставала. Обессилевала. И мерзла. Никто больше не засиживался в офисе так подолгу. Я, несомненно, слишком много работала. Так было всегда. И то время наверняка не было исключением: требовалось замаскировать то, что я занималась незначительными вещами, попусту растрчивала силы на незначительных людей. И к тому же слишком мало ела. Почти ничего. Измождение, тем не менее, не объясняет мою невнимательность тем вечером. Быть может, я задумалась о любви. Мне тогда казалось, что с ней покончено. Звучит напыщенно, но моя любовь в буквальном смысле обратилась в пепел. Если вдуматься, то меня скорее отвлекло воспоминание о золотой «А». Кольцо оживило амбиции, которые, как я тогда думала, были давно мертвы и похоронены. Возможно, мне даже *хотелось* их похоронить. Надежда на другой алфавит. Мечта о новой «А». О новой «L». До сих пор ни одна из начертанных мной «L» не могла меня удовлетворить.